

Пиявка

Рис. Э. Назарова

Слишком долго она летела в пустоте. Слишком долго была без пищи. Безжизненная спора, она не замечала, как проходили тысячелетия. Не почувствовала она ничего и тогда, когда достигла, наконец, Солнечной системы и живительные лучи Солнца коснулись ее твердой сухой оболочки.

Планета потянула ее к себе, и, все еще мертвая, она вместе с другими межзвездными пылинками начала падать.

Профессор открыл один глаз.

— Прошу прощения, я не хотел вас беспокоить, — снова извинился Коннерс.

У профессора Майкхила вот уже десять лет была единственная причуда — неделя полного покоя. Это стало традицией. Всю зиму профессор читал студентам антропологию, заседал в полудюжине комитетов, занимался для себя физикой и химией и ко всему этому умудрялся еще писать по книге в год. Но к лету он выдыхался совершенно.

И тогда он отправлялся к себе, на старую

— Я и не собираюсь. Дайте мне вашу лопату. — Майкхил взял лопату и ткнул ею в загадочный предмет. Он, действительно, был тверд, как камень. Какое-то время профессор держал лопату прижатой к поверхности. Когда он ее отнял — еще дюйм металла исчез.

Майкхил нахмурился и поправил очки. Затем одной рукой он снова прижал лопату к камню, а другую поднес поближе к его поверхности. Лезвие таяло на глазах.

— Вроде бы не греет, — сказал он, обращаясь к Коннерсу. — А в первый раз? Вы не заметили, шло от камня тепло?

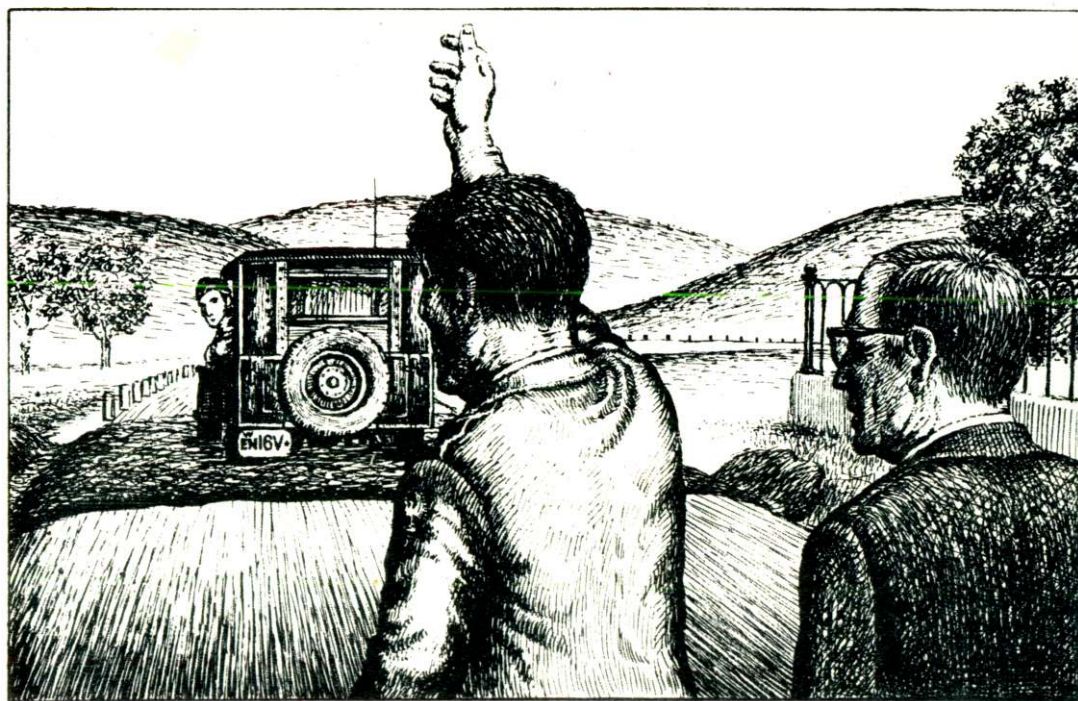
Коннерс отрицательно покачал головой.

Майкхил набрал в руку грязи и бросил ее на камень. Комок быстро растаял, не оставив и следа на черно-серой поверхности. За комком грязи последовал большой булыжник, который исчез тем же способом.

— Вы когда-нибудь видели такую чертовщину, профессор? — спросил Коннерс.

— Нет, — Майкхил разогнулся, — никогда не видел.

Он снова взял лопату, и изо всех сил ударил ею о камень... И чуть не выронил ее. Ожидая отдачи, он слишком сильно сжимал черенок. Но отдачи не последовало. Лопата ударилась и сразу остановилась, как будто прилипла. Когда профессор приподнял ее, он увидел, что на черно-серой поверхности не осталось никакого следа от удара.

Пылинка, похожая на миллионы других; ветер подхватил ее, помчал вокруг Земли и отпустил...

На поверхности она стала оживать. Сквозь поры в ее оболочке начала поступать пища. Она принялась есть и... расти.

* * *

Фрэнк Коннерс поднялся на веранду и два раза негромко кашлянул.

— Прошу прощения, профессор, — сказал он. Длинноногий мужчина, лежавший на раскладушке, даже не пошевелился и продолжал похрапывать.

— Мне не хотелось вас беспокоить. — От волнения Коннерс сдвинул свою старенькую шляпу на затылок. — Я знаю, у вас неделя отдыха, но там, в канаве, лежит такая чертовщина...

Одна бровь у спящего слегка приподнялась. Фрэнк Коннерс снова вежливо кашлянул. На его руке, сжимавшей черенок лопаты, набухли старческие вены.

— Вы слышите, профессор?

— Конечно, я все слышал, — пробормотал Майкхил, не открывая глаз. — Вам попался эльф?

— Чего? — спросил Коннерс, мучительно наморщив лоб.

— Маленький человечек в зеленом сюртуке. Дайте ему молочка, Коннерс.

— Нет, сэр. Это какой-то камень.

ферму, в штат Нью-Йорк, и целую неделю просто-напросто отсыпался. Это и называлось неделей полного покоя. Фрэнк Коннерса он занимал на это время готовить еду и помогать по хозяйству.

Вторую неделю профессор, как правило, бродил по окрестностям, рассматривал деревья, птиц и удил рыбу. Третью неделю он читал, загорал на солнце, чинил крышу сарая и лазил по горам. Конца четвертой профессор дожидался с трудом, а дождавшись, торопился уехать.

Но первая неделя была священна.

— Я не стал бы вас тревожить по пустякам, но этот чертов камень расплавил мне лопату.

Профессор разом открыл глаза и приподнялся. Коннерс протянул ему лопату. Ее закругленная часть была ровно срезана. Майкхил резко спустил ноги с раскладушки и сунул их в потрепанные мокасины.

— Идемте, — сказал он, поднимаясь. — Посмотрим, что это за чудо.

«Чудо» лежало в придорожной канаве, отделявшей лужайку перед домом от большой автостреды. Обыкновенная плита из камня величиной с автомобильную шину, дюйма три толщиной. На темно-серой поверхности виднелось множество замысловатых черных прожилков.

— Не трогайте руками, — предупредил Коннерс.

— Вот тебе и на. Что же это такое? — выдохнул Коннерс.

— Это не камень, — сказал Майкхил, отступая назад. — Пиявки сосут кровь. А эта штука, кажется, сосет грязь и лопаты.

Мужчины переглянулись. На шоссе показались несколько военных грузовиков. С ревом они промчались мимо.

— Пойду попробую дозвониться в колледж. Попрошу приехать кого-нибудь из физиков, — сказал Майкхил, — или биологов. Хорошо бы убрать отсюда эту штуку, пока она не испортила мне газон.

Они направились к дому.

Все вокруг для нее было пищей. Ветер отдавал ей свою энергию. Шел дождь, и удар каждой капли еще добавлял ей сил. И вода тут же всасывалась всепоглощающей поверхностью.

Солнечные лучи, почва, грязь, камни, веточки — все усваивалось клетками.

Медленно зашевелились в ней смутные тени ощущений. И первое, что она почувствовала, — неправдоподобную ничтожность своего тела.

Она росла.

* * *

На следующий день пиявка достигла уже восьми футов. Одним краем она высунулась на шоссе, а другой дополз до газона. Еще через день ее диаметр увеличился до восем-

надцати футов. Теперь она перекрыла всю проезжую часть дороги.

Майкхил ходил вокруг пивки и задавал себе один и тот же вопрос. Какое вещество может вести себя таким образом? Ответ прост — ни одно из известных веществ.

Вдали послышался гул колонны армейских грузовиков.

Водитель ехавшего впереди джипа поднял руку, и вся колонна остановилась. Из джипа вылез офицер. По количеству звезд на его плечах Майкхил понял, что перед ним бригадный генерал.

— Уберите эту штуку и очистите проезд. Он был высок и худощав. На загорелом, обожженном солнцем лице холодно поблескивали глаза.

— Мы не можем ее убрать, — Майкхил рассказал генералу о событиях последних дней.

— Но ее необходимо убрать, — сказал генерал. Он подошел ближе и пристально посмотрел на пивку. — Вы говорите, ломом ее не скovyрнуть? И огонь ее не берет?

— Совершенно верно, — Майкхил слабо улыбнулся.

— Шофер, — бросил генерал через плечо, — поезжайте-ка через эту штуку!

Майкхил хотел было вмешаться, но удержался. Генеральские мозги — особая штука. Нужно дать им возможность поосображать самостоятельно.

Джип рванулся вперед, подпрыгнув на десятисантиметровом ребре «камня». В центре автомобиля остановился.

— Я не приказывал останавливаться, — рявкнул генерал.

— Я и не останавливался, сэр, — запротестовал шофер.

Джип дернулся на месте и окончательно замер.

— Простите, — сказал Майкхил, — но у него плавятся шины.

Генерал присмотрелся, и его рука автоматически дернулась к пистолету на поясе. Затем он закричал:

— Водитель! Прыгайте! Не коснитесь только этой серой штуки!

Лицо у шофера побелело. Он быстро вскарабкался на крышу джипа, огляделся и благополучно спрыгнул на землю.

В полной тишине все наблюдали за джипом. Сначала растаяли шины, потом четыре обода, рама автомобиля...

Последней медленно исчезла антенна.

Генерал тихо выругался и приказал шоферу: — Отправляйтесь к колонне и возвращайтесь с гранатами и динамитом.

* * *

Она почти очнулась. Все тело требовало пищи, еще и еще. Почва под ней стремительно растворялась. Она росла. Какой-то большой предмет оказался на ее поверхности и стал добычей.

Взрыв энергии возле самой поверхности, потом другой, и еще, еще... Она жадно, с благодарностью, поглотила эти новые силы и перевела их в массу. Маленькие металлические кусочки ударились о поверхность, и она всосала их кинетическую энергию, превратив ее в массу. Еще взрывы и еще...

Ее ощущения становились все богаче, она начала чувствовать среду вокруг...

Еще один взрыв, сильнее предыдущих. Это уже настоящая пища! Ее клетки кричали от голода. С тревогой и надеждой она ждала еще взрывов.

Но их больше не было. Тогда она снова принялась за почву и солнечный свет.

Она ела и росла, и расплзалась в стороны.

* * *

С вершины небольшого холма Майкхил смотрел, как рушился его собственный дом. Пивка, диаметром теперь в несколько сот метров, поглощала крыльцо.

«Прощай, мой домик», — подумал он, вспоминая десять летних сезонов, проведенных здесь.

Крыльцо растворилось, за ним дверь...

Теперь пивка напоминала огромное поле застывшей лавы. Серое, мрачное пятно на зеленой земле.

— Простите, сэр. — Позади него стоял солдат. — Генерал О'Доннел хочет вас видеть.

— Пожалуйста, — Майкхил бросил послед-

ний взгляд в сторону дома и последовал за солдатом через проход в колючей проволоке, проткнутой теперь вокруг всей пивки диаметром в полмили. По всей ее длине стояли солдаты, удерживая репортеров и любопытствующих. Майкхил удивлялся, как это ему еще разрешили проходить за ограждение. Может быть, потому, что все это, как-никак, произошло на его земле.

В палатке за маленьким столиком сидел генерал О'Доннел. Жестом он предложил Майкхилу садиться.

— Мне поручили избавиться от этой «пивки», — сказал он, обращаясь к нему.

Майкхил молча кивнул головой. Когда научная работа поручается вояке, комментарины излишни.

— Вы ведь профессор, не так ли? — Антропологии.

— Прекрасно. Прикуривайте. — Генерал протянул зажигалку. — Мне бы хотелось оставить вас тут в качестве консультанта. Я очень ценю ваши наблюдения над... — он улыбнулся, — над врагом.

— Я с удовольствием останусь, — сказал профессор Майкхил, — но вам скорее нужен физик или биохимик.

— Не хочу устраивать здесь ученую суматоху. — Генерал О'Доннел нахмурился, глядя на кончик своей сигареты. — Не поймите меня превратно. Я с большим уважением отношусь к науке. Я сам, если так можно выразиться, ученый-солдат. Сейчас выиграть войну без науки невозможно.

Тут загорелое лицо О'Доннела стало каменным.

— Но я не хочу, чтобы команда длинноносых крутилась целый месяц вокруг этой штуки и задерживала меня. Мое дело уничтожить ее — любыми способами и немедленно.

— Думаю, что это не просто, — произнес Майкхил.

— Вот потому-то вы мне и нужны. Объясните мне, почему не просто, а я уж соображу, как с нею разделаться.

— Пожалуйста. Насколько я понимаю, пивка является органическим преобразователем энергии в массу. Этот преобразователь чрезвычайно эффективен. Скорее всего, у него два цикла работы. Сначала он массу превращает в энергию, а затем — энергию в массу уже собственного тела. Но может и сразу энергию переводить в массу тела. Как это происходит, я не знаю.

— Короче, против нее нужно что-нибудь солидное, — перебил О'Доннел. — Отлично, кое-что у меня здесь найдется.

— Наверно, вы неправильно меня поняли, — сказал Майкхил. — Пивка питается энергией. Она усвоит и использует силу любого оружия.

— Что же произойдет, — спросил О'Доннел, — если она будет продолжать есть?

— Я не знаю, до каких размеров она может вырасти, — сказал Майкхил. — Ее рост можно ограничить лишь недостатком пищи.

— Вы хотите сказать, что она может вот так расти до бесконечности?

— Она вполне может расти до тех пор, пока ей есть чем питаться.

— Ну что ж, это настоящая дуэль, — сказал О'Доннел. — Но неужели с ней не справиться силой?

— Выходит, нет. Лучше всего вызвать сюда физиков и биологов. Они, наверно, смогут бы сообразить, как с ней обойтись.

Генерал вынул изо рта сигарету:

— Профессор, я не могу тратить время попусту, пока ученые будут спорить. Я следую своей аксиоме. Могу вам ее сообщить, — он сделал многозначительную паузу. — Ничто не может устоять перед силой! Приложите достаточную силу, и что угодно уступит. Что угодно! Вы думаете, пивка устоит против атомной бомбы?

— Не исключено, что ее можно перегрузить энергией, — с сомнением в голосе произнес Майкхил. Он только теперь понял, зачем он понадобился генералу. Наука без полномочий — это вполне устраивало О'Доннела.

* * *

После долгого перерыва пища опять стало много. Радиация, вибрация, взрывы, какое вос-

хитительное разнообразие! Она поглощала все. Но пища поступала слишком медленно. Голодные, только что рожденные клетки требовали еще и еще... Скорее! Вечно голодное тело кричало.

Теперь, когда она стала больше, ее чувства обострились. И она ощутила, что неподалеку собрано в одном месте огромное количество пищи. Пивка легко взмыла в воздух, пролетела немного и рухнула на лакомый кусок.

— Идиоты! — генерал О'Доннел был взбешен. — Какого дьявола они поддались панике?! Можно подумать, что их ничему не учили!

Большими шагами он мерил землю возле новой палатки, в трех милях от места, на котором стояла старая.

Пивка выросла до двух миль в диаметре. Пришлось эвакуировать три фермерских хозяйства.

Профессор Майкхил все еще не мог отделаться от кошмарного воспоминания. Эта тварь приняла массивный удар всех видов оружия, а затем ее тело неожиданно поднялось в воздух. На мгновение она заслонила солнце, повисла над Норт Хиллом — и рухнула вниз.

Солдаты в Норт Хилле могли успеть разбежаться, но, перепуганные насмерть, так и не сдвинулись с места.

Потеряв в операции «Пивка» шестьдесят семь человек, генерал О'Доннел попросил разрешения пустить в ход атомную бомбу. Вашингтон прислал группу ученых для исследования ситуации.

— Эти эксперты все еще не приняли решения? — О'Доннел в раздражении остановился перед входом в палатку. — Они слишком долго разговаривают.

— Принять решение очень трудно, — сказал Майкхил. Он не был включен в комиссию, поэтому, высказав все свои соображения, вышел из палатки. — Физики считают, что это живое существо, а биологи, кажется, думают, что на все вопросы должны ответить химики. Никто не может считать себя специалистом по этим штукам.

— Это военная проблема, — хрипло сказал О'Доннел. — Меня не интересует, что это такое. Я хочу знать, как ее можно уничтожить. Они бы лучше дали мне возможность использовать атомную бомбу.

Профессор Майкхил проделал кое-какие расчеты. Прикинув скорость, с какой пивка поглощала энергию-массу, ее размеры и очевидную способность расти, он пришел к выводу, что атомная бомба могла бы перегрузить ее энергией. Но — только в самое ближайшее время.

Взорвать бомбу нужно было в течение максимум трех дней. Пивка росла в геометрической прогрессии. Через несколько месяцев она должна была покрыть всю территорию Соединенных Штатов.

— Я целую неделю добивался разрешения, — громыхнул О'Доннел. — И я получу его, но для этого мне приходится ждать, пока эти ослы наговорятся. — Он остановился и повернулся к Майкхилу. — Я уничтожу эту пивку. Я разнесу ее вдребезги. Это касается уже не только интересов безопасности. Это задевает лично меня.

Из палатки вышла группа усталых людей. Впереди шел Аленсон — биолог.

— Итак, — сказал генерал, — вы выяснили, что это такое?

— Подождите еще минутку. Я отрежу от нее кусочек, — зло ответил Аленсон.

— Ну а придумали вы какой-нибудь научный способ ее уничтожения?

— О, это было не трудно, — сухо произнес Мориарти, физик-атомщик. — Заверните ее в абсолютный вакуум. И все будет в порядке. Или сдуньте с Земли антигравитацией.

— Если же вы не можете этого сделать, — сказал Аленсон, — мы можем предложить вам попробовать ваши бомбы, только побыстрее.

— Таково мнение всей вашей группы? — спросил О'Доннел.

— Да. Майкхил подошел к ученым.

— Ему следовало сразу нас вызвать, —

пожаловался Аленсон. — А сейчас уже нет времени раздумывать.

— Вы пришли к какому-нибудь мнению о ее природе? — спросил Майкхил.

— К самому общему, — сказал Морнарти, — и оно практически совпадает с вашим. Пивяка скорей всего космического происхождения. Во всяком случае мы должны радоваться, что она не упала в океан. Земля под нами была бы съедена раньше, чем мы поняли бы, в чем дело.

Заключение комиссии, состоявшей из одних ученых, было проверено комиссией, состоявшей из других ученых. На это ушло несколько дней. Затем Вашингтон захотел узнать, нет ли другого выхода и обязательно ли рвать атомные бомбы в центре штата Нью-Йорк. Потом надо было эвакуировать людей. На это тоже ушло время.

Наконец тупорылая ракета-разведчик взмыла над Нью-Йорком. Серовато-черное пятно, напоминающее гноящуюся рану, протянулось от Тихого озера до Элизабеттауна, покрыв долины Куин и Куин-вэлли, краями выплескиваясь на гребни ближайших гор.

Первая бомба полетела вниз.

Ошеломляющий взрыв!

Все вокруг наполнилось пищей, но теперь появилась опасность переполниться. Энергия лилась непрерывным потоком, пронизывала пивяку насквозь, сплющивала ее, и пивяка бешено росла. Она была еще слишком мала и быстро достигала предела насыщения. Но в перенапряженные клетки, наполненные до отказа, вливали еще и еще энергию.

Она устояла.

Следующие порции были восхитительны на вкус, и с ними она легко справилась. Пивяка росла, ела и снова росла.

О'Доннел отступил вместе со своей полностью деморализованной командой. Новый лагерь разбили в десяти милях от южного края пивяки, в опустевшем городке. Теперь диаметр пивяки равнялся шестидесяти милям, а она все росла.

Двухсотмильная зона в округе была эвакуирована.

Генералу О'Доннелу разрешили воспользоваться водородными бомбами — при условии одобрения со стороны ученых.

— Почему они медлят? — генерал кипел. — Пивяку нужно немедленно разнести вдребезги. Чего они крутят?

— Они боятся цепной реакции, — ответил Майкхил. — Такая концентрация водородных бомб в состоянии вызвать ее в земной коре или в атмосфере. Могут быть и другие неприятные последствия.

— Что же, они хотят, чтобы я организовал штыковую атаку? — презрительно проговорил О'Доннел.

Майкхил молча вздохнул и уселся в кресло. Он был убежден, что вся затея в принципе порочна. Государственные эксперты шли по одному-единственному пути. Давление на них было столь велико, что нечего было и думать о поиске других путей, кроме применения силы. Пивяке же именно это и надо.

Майкхил был уверен, что порой бороться огнем против огня — не лучший способ.

Огонь. Локи — скандинавский бог огня. И мошеников... Нет, ответ здесь вряд ли сыщешь. Но Майкхил уже бродил мысленно по мифам разных народов, отвлекаясь от невыносимой действительности.

Вошел Аленсон, за ним еще шестеро.

— Итак, — сказал Аленсон, — есть отличная возможность расколоть нашу планету пополам.

— Война — есть война, — коротко отрубил О'Доннел. — Итак, вперед?

И вдруг Майкхил понял, что О'Доннел действительно не беспокоит, что будет с Землей. Багроволицего генерала волновало лишь то, что он устроит поистине небывалый взрыв, какого еще не устраивала рука человека.

— Не так быстро, — сказал Аленсон. — Пусть каждый выскажет свое собственное мнение.

— Помните, — прошипел генерал, — по вашему же собственным цифрам пивяка прибавляет каждый час по двадцать футов.

— И скорость эта все время растет, —

сказал Аленсон, — но решение, которое мы должны принять, слишком серьезно.

Майкхил подумал о громах и молниях Зевса. Это сейчас как раз и необходимо. Или... сила Геркулеса. Или...

От неожиданной мысли он выпрямился в кресле.

— Джентльмены, мне кажется, я могу предложить вам другое решение. Вы когда-нибудь слышали об Антее?

Чем больше она ела, тем быстрее росла, тем голоднее становилась. Многие теперь ожило в ее памяти. Когда-то она съела планету. Потом направилась к ближайшей звезде и сожрала ее, насытив клетки энергией для дальнего путешествия. Но больше пищи поблизости не было, а следующая звезда горела безумно далеко.

Масса была превращена в энергию полета и растрачена на долгий путь.

Она стала безжизненной спорой, бесцельно летящей между звезд.

Так было. Но только ли это было? Ей казалось, что она напоминает гораздо более ранние времена. Ей чудились вселенные той поры, когда они еще были равномерно наполнены звездами. Она прогрызала целые звездные коридоры, росла, разбухала. И звезды в ужасе шарахались в стороны, сбиваясь в испуганные галактики и созвездия.

Или ей все это приснилось?

Методично она пожирала землю, удивляясь, куда же делась богатая, сытная пища. И вот пища снова была здесь, возле нее, но на этот раз сверху.

Она ждала, но мучительно притягивающая еда оставалась недосигаемой. О, как ясно она ощущала, насколько эта еда чиста и питательна.

Почему она не падает?

Наконец пивяка поднялась всей своей громадой и устремилась к ней сама.

Еда улетала от поверхности планеты. Пивяка последовала за ней.

Мучительно сладостный, дразнящий кусок улетал в космос, и она следовала за ним. Но в космосе она ощутила близость еще более богатого источника еды.

О'Доннел разносил ученым шампанское. Официальный обед должен состояться попозже, а пока необходимо отметить победу.

— Предлагаю выпить, — торжественно произнес генерал. Все подняли бокалы. Этого не сделал только лейтенант за пультом управления полетом ракеты. — За профессора Майкхила, за то, что он придумал... как его, скажите-ка еще раз, Майкхил.

— Антей, — Майкхил медленно тянул шампанское, но чувства восторга он не испытал. — Антей, рожденный Геей, богиней Земли, от Посейдона, бога моря. Непобедимый богатырь. Каждый раз, когда Геркулес бросал его на Землю, он снова поднимался, полный новых сил. Пока Геркулес не оторвал его от матери.

Морнарти что-то бормотал себе под нос, быстро перебрасывая движок логарифмической линейки и что-то записывая. Аленсон молча пил, но и он выглядел не очень веселым.

— Поехали, что же вы нахохлились. — О'Доннел наливал еще и еще. — Потом досчитаете, бросьте. Сейчас надо выпить! — Он повернулся к оператору. — Как там дела?

Мысли Майкхила вернулись к ракете. Снаряд с дистанционным управлением, до отказа набитый радиоактивными веществами. Он висел над пивякой, пока она не последовала за ним, поддавшись на приманку. Антей оторвался от матери-Земли и начал терять силы. Оператор так вел космический корабль, чтобы тот все время был поблизости от пивяки, но в то же время она не могла им завладеть.

Корабль и пивяка летели навстречу Солнцу.

— Отлично, сэр, — отрапортовал лейтенант, — сейчас они уже внутри орбиты Меркурия.

— Господа, — сказал генерал. — Я поклялся разнести эту штуку. Другим, более прямым способом, но это неважно. Главное — уничтожить. Разрушение иногда — священ-

ное дело. Сейчас это именно так, господа, и я счастлив.

— Поворачивайте корабль! — закричал вдруг Морнарти. Он был бледен как снег. — Поверните эту проклятую ракету!

Он потрясал перед их глазами листками с цифрами.

Цифры легко было разобрать. Скорость роста пивяки. Скорость потребления ею энергии. Рост энергии, поступающей от Солнца, по мере приближения к нему.

— Она сожрет Солнце, — спокойно произнес Морнарти.

Комната превратилась в ад. Все шестеро одновременно пытались объяснить О'Доннелу, в чем дело. Потом Морнарти пытался один. И наконец Аленсон.

— Она так быстро растет, а скорость у нее такая маленькая и она поглощает так много энергии, что когда она доберется до Солнца, размеры позволят ей с ним расправиться. Или, по крайней мере, расправиться, побыв перед тем некоторое время с ним рядом.

О'Доннел повернулся к оператору и командовал:

— Заверните их!

Все в напряженном ожидании застыли перед экраном радара.

Пища неожиданно свернула с ее пути и скользнула в сторону. Впереди был огромный источник еды, но до него еще далеко. Другая пища повисла совсем рядом, мучительно близко.

Ближайший или далекий?

Все тело требовало: сейчас, немедленно...

Она двинулась к ближайшей порции, прочь от Солнца. Солнце никак не денется.

Раздался вздох облегчения. Опасность была слишком реальна.

— В какой части неба они сейчас находятся? — спросил О'Доннел.

— Думаю, я смогу вам показать, — сказал астроном. — Где-то вон в той части, — показал он рукой, пододвигая к открытой двери.

— Превосходно. Лейтенант! — О'Доннел обернулся к оператору. — Давайте!

Ученые остолбенели от неожиданности. Оператор походил над пультом, и капля начала догонять точку. Майкхил двинулся было через комнату к пульту.

— Стоп, — рявкнул генерал, его командирский голос остановил антрополога. — Я знаю, что делаю. Корабль специально для этого выстроен.

Капля на экране догнала точку.

— Я поклялся уничтожить пивяку, — сказал О'Доннел. — Мы никогда не будем в безопасности, пока она жива, — он улынулся. — Не посмотреть ли нам на небо?

Генерал направился к дверям. Молча все последовали за ним.

— Нажмите кнопку, лейтенант!

Оператор выполнил приказ. Все молча ждали.

В небе повисла яркая звезда. Ее блеск рассеял ночь, она росла, потом стала медленно гаснуть.

— Что вы сделали? — выдохнул Майкхил.

— В ракете были водородные бомбы, — торжествующим голосом пояснил О'Доннел. — Ну как, есть там что-нибудь на экране, лейтенант?

— Ни пылинки, сэр.

— Господа, — сказал генерал, — я встретил врага и победил. Выльем еще шампанского, господа, у нас есть повод!

Майкхил неожиданно почувствовал приступ тошноты.

Она содрогнулась от страшного потока энергии. Нечего было и думать удержать такую дозу. Долю секунды ее клетки еще сопротивлялись, затем перенасытились и были разорваны.

Она была уничтожена, растерта в порошок, раздроблена на миллионы частиц, которые тут же дробились еще на миллионы других. На споры.

Миллиарды спор летели во все стороны. Миллиарды.

Они ждали пищи.

Сокращенный перевод с английского ●
Е. ЦВЕТКОВА